
Е.Ю.Раскина

Куда ведет «путь конквистадоров»?

Статья посвящена отражению темы открытия и завоевания Латинской Америки в творчестве Н.С.Гумилева. Исследуются образность и символика поэмы «Открытие Америки», а также образы завоевателей в ранних стихотворениях поэта. Особое внимание уделяется замыслу пьесы об Эрнандо Кортесе.

Ключевые слова: конквистадоры, покорение Мексики, геософия, сакральная география, странничество.

Творчество великого русского поэта Н.С.Гумилева (1886—1921) является одной из ярчайших страниц в «летописи» русской литературы начала XX в. Особенную роль в поэзии, прозе и драматургии Н.С.Гумилева играют географические образы, темы, мотивы и символы, которые были интерпретированы и осмыслены поэтом не только в художественном, но и в культурно-философском и религиозном планах. В произведениях поэта география перерастает в геософию — философию географии. *Лирический герой* поэзии Гумилева — путешественник, воин, странник, блуждает по миру в поисках загадочной «Индии Духа», которая может быть интерпретирована как духовно-поэтическая вершина, святая земля, «царство поэзии», «рай земной».

На протяжении всей своей недолгой, но удивительно насыщенной жизни Гумилев испытывал огромный интерес к эпохе великих географических открытий, к теме «покорения Америки» испанскими завоевателями во главе с Эр-

нандо Кортесом. И в первом, юношеском сборнике «Путь конквистадоров»* (1905), и в зрелой поэме «Открытие Америки» (1910), и в стихотворениях позднего периода Гумилев развивал тему открытия и покорения новых, неведомых земель, сравнивал поэта, его роль в мире с миссией первооткрывателя, путешественника, географа. Бурный всплеск интереса к теме покорения Латинской Америки (Мексики и Перу) конквистадорами Гумилев пережил в окопах Первой мировой войны. Поэт ушел на фронт добровольцем, за храбрость был награжден Георгиевскими крестами четвертой и третьей степеней, произведен в офицеры, но не переставал творить, создавать гениальные стихотворения, формировать замыслы новых произведений.

15 января 1917 г. из лагеря действующей армии в Новом Беверсгофе, Н.С.Гумилев писал Ларисе Рейснер,

---

* Принятое тогда в России написание испанского слова «conquistador».

Елена Юрьевна Раскина — кандидат филологических наук, доцент МГИ им. Е.Р.Дашковой.

которую вскоре назовут «женщиной русской революции», «комиссаршей», «красной валькирией»: «Заказанная Вами мне пьеса (о Кортесе и Мексике) с каждым часом вырисовывается передо мной все ясней и ясней. Сквозь «магический кристалл» (помните, у Пушкина) я вижу до мучительности яркие картины, слышу запахи, голоса. Иногда я даже вскакиваю, как собака, увидевшая взволновавший ее сон. Она была бы чудесна, моя пьеса, если бы я был более искусным техником. Как я жалею теперь о бесплодно потраченных годах, когда, подчиняясь внушениям невежественных критиков, я искал в поэзии какой-то задушевности и теплоты, а не упражнялся в писани рондо, ронделей, лэ, вирелэ»¹. Пьеса, о которой идет речь в этом письме, должна была быть посвящена завоевательному походу Э.Кортеса в Мексику, в результате которого пала империя Монтесумы. Гумилев высоко ценил творчество английского писателя Райдера Хаггарда, и поэтому отправной точкой замысла пьесы о Кортесе и Мексике (наравне с другими источниками) послужил роман Хаггарда «Дочь Монтесумы».

Роман Хаггарда повествует о разрушении империи ацтеков, которые, по мнению главного героя романа, английского сквайра Томаса Вингфилда, были виновны в том, что приносили своих детей на алтари Уицилопочтли и Тескатлипоки. Устами Томаса Вингфилда Хаггард обвинял народ Монтесумы в том, что он творил зло во имя добра, в кровавых и жестоких ритуалах приносил в жертву своим богам тысячи человеческих жизней, надеясь заслужить мир, благоденствие и богатство. Здесь речь идет об осмыслении цивилизаций Южной и Центральной Америки католическим и протестантским сознанием. Когда христианские миссионеры познакомились с местными культурами, сопровождавшимися жертвоприношениями, то пришли к выводу, что открытая Колумбом земля — царство Антихриста. Однако еще более виновными Вингфилд считал испанцев: «Во имя милосердия они творили такие жестокости,

какие и не снились язычникам-ацтекам; во имя Христа они каждодневно нарушали все его заповеди. Неужто они будут торжествовать, неужто эти злодеяния принесут им счастье? Я слишком стар и не доживу до того, чтобы увидеть собственными глазами ответ на мой вопрос»². Впрочем, Вингфилд сам формулирует ответ: «Я знаю, что все злодеяния испанцев падут на их собственные головы, и уже теперь вижу этот самый гордый на свете народ обесславленным, обесчещенным и разоренным, несчастным заморышем, у которого нет ничего, кроме великого прошлого. То, что Дрейк начал недавно под Гравелином, бог в иное время завершит повсеместно. От могущества Испании не останется и следа, империя испанцев исчезнет, как исчезла империя Монтесумы»³.

В предисловии к роману («Почему Томас Вингфилд рассказывает свою историю») закат морской славы Испании — уже свершившийся факт. Роман начинается с гибели «Непобедимой армады» во время шторма у британских берегов. Вингфилд видит в этом историческое возмездие: страна, обогатившаяся за счет разрушения империи Монтесумы, должна потерять награбленное золото и стать такой же нищей, как и опустошенные земли ацтеков. Если роман Хаггарда стал отправной точкой задуманной Гумилевым пьесы о завоевании Мексики Кортесом, то более глубокий подступ к обозначенной теме был связан с фундаментальным трудом Уильяма Уоррена Прескотта «Завоевание Мексики».

В процитированном выше письме от 15 января 1917 г. Гумилев попросил Ларису Рейснер переслать ему книгу Прескотта, которая вышла в 1843 г. в Нью-Йорке и была переведена на основные европейские языки. Труд Прескотта настолько вдохновил Гумилева, что 22 января того же 1917 г. поэт писал Ларисе Рейснер: «А какая это удивительная книга. Она вся составлена на основании писанья старинных летописцев, частью сподвижников Кортеса, да и сам Прескотт недалеко ушел от них в милой наивности стиля и мыслей. (...)

Эрнан Кортес

Жаль только, что теперь приходится менять план пьесы, Прескотт убедил меня в моем невежестве относительно мексиканских дел. Но план — вздор, пьеса все-таки будет, и я не знаю, почему Вы решили, что она будет миниатюрной, она, трагедия в пяти актах, синтез Шекспира и Расина!»⁴.

Пьесу о Кортесе и Мексике Гумилев так и не написал, однако образы конкистадоров из армии Кортеса, равно как и мотив падения таинственной древней цивилизации под натиском горстки европейцев занимал Гумилева всю жизнь. Первый, юношеский, сборник поэта, как мы уже говорили выше, назывался «Путь конкистадоров». Ключевым для этого сборника являлся «Сонет» («Я конкистадор в панцире железном»). Лирический герой этого стихотворения — рыцарь духа, отдыхающий в «радостном саду», подобном Эдему, безусловно, далек от исторических завоевателей из войска Кортеса, разрушивших империю Монтесумы. В «Сонете» Гумилев использовал лишь одну черту реальных конкистадоров — их бесспорный, редкостный пассионарный заряд, благодаря которому горстка испанских авантюристов сумела завоевать могущественную империю ацтеков.

«Путь конкистадоров», по Гумилеву, — это дорога к неведомому, путь к таинственным древним царствам, опас-

ное путешествие, каждое мгновение которого может завершиться смертью. Но даже смерть сулит герою «Сонета» удивительные открытия, связанные с прикосновением к иному, высшему, благому началу бытия: «И если в этом мире не дано / Нам расковать последнее звено, / Пусть смерть приходит, я зову любую! / Я с нею буду биться до конца, / И, может быть, рукою мертвеца / Я лилию добуду голубую»⁵.

Голубая лилия, упомянутая в сонете, — это инвариант мистического «голубого цветка» немецких романтиков XIX столетия и русских символистов. Романтик Иенской школы, поэт-философ Георг Фридрих Филипп барон фон Гарденберг, выбравший себе псевдоним Новалис (Novalis), воспел «голубой цветок» в романе «Генрих фон Офтердинген». Под «голубым цветком» подразумевалась «душа мира», вечно женственное начало мироздания, София Премудрость Божия. Голубой цвет олицетворял для Новалиса высоту неба и глубину моря, бесконечность и вечность. «Голубой цветок» — это высшая цель, ради которой Генрих фон Офтердинген отправляется в свои странствия.

В романе Новалиса главный герой узнает о голубом цветке из рассказа «таинственного незнакомца». «Юноша метался на постели и думал о незнакомце и его рассказах. — Не сокровища так невыразимо привлекают меня, — говорил он себе самому, — жадность чужда моей душе: я мечтаю лишь о том, чтобы увидеть голубой цветок. Он неустанно занимает мои мысли, я не могу ни писать, ни думать о чем-либо другом. Я никогда не испытывал ничего подобного: точно все прежнее было сном, или точно я пронесся во сне в другой мир. В том мире, в котором я жил, никто бы не стал думать о цветах; а про такую особенную страсть к цветку я даже никогда и не слышал»⁶, — повествует главный герой «Генриха фон Офтердингена». Во сне перед героем раскрываются лепестки «голубого цветка», и в чашечке растения показывается «нежное личико». Перед читате-

лями — символ Вечной Женственности, красоты и духовной глубины мира.

Гумилевская «голубая лилия», которую ценой своей жизни добывает лирический герой «Сонета», конкистадор в железном панцире глубокой и искренней веры, отсылает нас к Библии, к «Песни Песней», где с красотой «лилии долин» сравниваются Жених и Невеста, души, соединенные вечной и немеркнувшей любовью. В христианской средневековой иконографии лилия была атрибутом Девы Марии. Геральдическая лилия связана с монограммой Христа или крестом св. Андрея, пересеченного буквой «р» и старинным крестом Эдуарда Голля (Андреевский крест с вертикальной линией, проходящей через центр).

Конкистадоры называли себя «рыцарями веры», несущими свет христианства непросвещенным народам Южной и Центральной Америки. Бесспорно, христианизация империи Монтесумы была жестокой и кровавой и привела к гибели одной из древнейших мировых цивилизаций, интерес к которой в начале XX в. был огромен. Поэты «серебряного века» русской культуры заинтересовались империей ацтеков в контексте теории «исчезнувших цивилизаций». Великие цивилизации древности признавались ими носительницами «сакрального знания», древних магических тайн.

Фундаментальный труд американского историка Уильяма Уоррена Прескотта «История завоевания Мексики» открыл для европейцев и русских читателей уникальную культуру, разрушенную конкистадорами. Последних Прескотт описывал как жестоких и алчных авантюристов, обладавших, однако, незаурядной энергией и храбростью, проявленной в боях с индейцами.

В стихотворении Гумилева «Старый конкистадор» завоеватель Америки изображен как искатель неведомого, путешественник, следующий опасным, но притягательным маршрутом, углубившийся в «неведомые горы»: «Углубясь в неведомые горы, / Заблудился старый конкистадор, / В дымном небе плавали кондоры, / Нависали снежные

Н.С.Гумилев, 1914 г.

громады»⁷. Кондоры — американские грифы и снежные громады «неведомых гор» напоминают нам о Центральной и Южной Америке. Однако в царстве неведомого конкистадор вспоминает о «солнечной Кастилье» и, умирая, предлагает смерти «поиграть в изломанные кости». В стихотворении присутствует мотив поединка со смертью как игры, в которой победу одерживают, несомненно, мужество и пассионарность постаревшего искателя приключений. Как мы видим, гумилевский конкистадор — путешественник, странник, искатель «нездешнего» — далек от исторических конкистадоров, описанных Прескоттом.

«Гумилевские странники являются тайновидцами, мистагогами, преследующими прежде всего мистические цели, главная из которых — возможно полное видение мира, проникновение за пределы феноменальности, а достижение этой цели и находится, по идее Гумилева, на стезях движения, «божественного движения», причастность к которому воспринимается как подвижничество, духовный подвиг. Понятие «странствия» здесь сливается с понятием «паломничества» — формой послушания, равно присущей и христианскому, и мусульманскому рели-

гиозному движению»⁸. Так трактует тему «странничества духа» у Гумилева один из ведущих исследователей «серебряного века» русской поэзии Ю.В.Зобнин. Понимание подвига странничества как формы послушания характерно для библейской традиции и святоотеческой литературы. И в случае монашества, и в случае паломнического служения человек, следуя некоей высокой цели, покидает дом и привычную жизнь.

Мотив пути к неведомому связан у Гумилева с образом-символом географической карты с нанесенными на нее загадочными маршрутами. Образ-символ такой карты присутствует в посвященном Гумилеву стихотворении А.Ахматовой «Он любил три вещи на свете»: «Он любил три вещи на свете: / За вечерней пенью, белых павлинов / И стертые карты Америки»⁹.

«Стертые карты Америки» указывают на стихотворение Гумилева «Еще ослепительны зори» (1907), лирический герой которого назван «искателем *нездешних Америк*» («Искатель нездешних Америк, / Я отдал себя кораблю, / Чтоб, глядя на брошенный берег, / Шепнуть золотое «поблю!»¹⁰. «Нездешние Америки» символизируют благодатные, райские земли, подобные загадочной «Индии Духа», образ-символ которой присутствует в стихотворении Гумилева «Заблудившийся трамвай».

Постичь сакральные смыслы «стертых карт Америки», реконструировать их неясные маршруты должно поэтическое воображение, поэтическое слово. Карты «нездешних Америк» требуют сотворчества вчитывающегося в них поэта. Здесь уместно будет вспомнить и разорванную карту из цикла «Капитаны» («На полярных морях и на южных») («Кто иглой на *разорванной карте* // Отмечает свой дерзостный путь»¹¹, и «неведомых материков // мучительные очертанья», являющиеся географу «в час трудных снов» (стихотворение «Ледоход»)¹². Карта требует прочтения, «мучительные очертанья» неведомых материков — воссоздания, и именно поэтому сны географа названы «трудными».

Поиск «золотого индийского сада», таинственной благодатной земли — сквозной мотив поэмы Гумилева «Открытие Америки». Как известно, Христофор Колумб искал западный путь в Индию и сумел увлечь этой идеей Хуана Переса, духовника королевы Испании Изабеллы, настоятеля монастыря Рабиды, расположенного неподалеку от города Палос. Именно из порта Палос вышли в море каравеллы Колумба. В поэме Гумилева прелаты, призывавшие испанских моряков принять участие в экспедиции Колумба, рассказывали народу о «золотом индийском саде», ожидающем путешественников. Гумилев так описывал подготовительный период экспедиции Колумба: «И никто на корабле, бегущем / К дивным странам, заповедным кушам, / Не дерзал подумать о грядущем; / В мыслях было пусто и темно; / Хмуρο измеряли лотом дно, / Парусов чинили полотно»¹³. И далее: «Астрологи в вечер их отплыть / Высчитали звездные события, / Их слова гласили: «Все обман». / Ветер слева пенит океан, / И пугали ужасом наитя / Темные пророчества гитан. / И напрасно с кафедр прелаты / Столько обещали им наград, / Обещали рыцарские латы, / Царства обещали вместо платы, / И про *золотой индийский сад* / Столько станц гремело и баллад»¹⁴.

Стремление Колумба открыть новый путь в богатую и великую Индию, в «золотой индийский сад» Гумилев трактовал как путь к неведомому, к иному бытию, к «новым, лучшим травам и озерам». В такой трактовке образа Колумба поэт следовал за Д.Н.Анучиным, работа которого «О судьбе Колумба как исторической личности и о спорных и темных пунктах его биографии» была опубликована в 1894 г.¹⁵. В этой работе Анучин обращал внимание на следующий отрывок из письма Колумба королю и королеве Испании: «Я явился к Вашему Величеству как посланник Святой Троицы к могущественнейшему христианскому государю для содействия и распространения христианской веры;

ибо воистину Бог говорит ясно об этих заморских странах устами пророка Исаяи (Ис. 24, 15; 65, 17), когда он заявляет, что из Испании должно распространиться его Святое имя»¹⁶. В поэме Гумилев подчеркивал высокую миссию Колумба, духовный характер этой миссии: путь искателя «золотого индийского сада» в «Открытии Америки» озаряет Муза Дальних Странствий, символизирующая вечное, благое движение и совершенствование.

В поэме «Открытие Америки» Колумб первоначально открыл неведомую землю по «таблицам, чертежам и выцветшим страницам»¹⁷, совершил воображаемое путешествие под сводом монастырской библиотеки, разбирая чертежи с приором Хуаном, перед тем, как осуществить его наяву. Гумилев сближает «наркозы», рожденные глубиной (см. в цикле «Капитаны»: «Какие наркозы когда-то рождала для вас глубина...»¹⁸) и библиотечной пылью (вспомним стихотворение «В библиотеке», где «пыль пьянее, чем наркотик»)¹⁹.

Как уже было отмечено Ю.В.Зобниним, в текстах Гумилева процесс чтения метафорически уподобляется путешествию. Чтение и толкование выцветших страниц старинных книг — это путешествие в миниатюре, в нем заключен прообраз будущего путешествия. Чтение — это и приглашение в путешествие, пролог к путешествию как великому свершению, труду духа. Но если читатель подобен мореплавателю, как в стихотворении «Читатель книг», то поэт — географу, который не просто «прочитывает», толкует пространство, но и открывает новые земли и, главное, называет их.

В «Открытии Америки» Колумб «исчислил» неизвестную землю, перед тем, как ее открыть и назвать. Глагол «исчислил» вполне закономерен для данного контекста. В стихотворении «Готтентотская космогония» «исчислить» сотворенный мир может лишь Творец («Бог, который весь мир исчислил...»)²⁰. Согласно гумилевской логике, исчислить «тварный мир» значит создать и познать его. За познани-

ем следует название, придающее сотворенному полноту бытия. Поэт как первооткрыватель и называтель способен сначала «исчислить» некое пространство, затем открыть и назвать его. Имя, которое поэт дает пространству, оказывается в итоге древним священным именем этого пространства.

Гумилев мифологизировал роль географа и всячески подчеркивал духовное родство географа и поэта. Подлинный поэт у Гумилева подобен географу, которому «в час трудных снов» (стихотворение «Ледоход») являются «неведомых материков мучительные очертанья»²¹. Мучительный, страшный, страдательный и для поэта, и для географа процесс творчества приводит к «открытию Америки». В поэме «Открытие Америки» открытая земля представляется мореплавателям знакомой, родной, увиденной «в час трудных снов». Собственно говоря, для Гумилева труд поэта, процесс творчества вообще — это пророческий сон о «милой родине», об «Индии Духа». Так, в поэме «Открытие Америки» читаем: «Если смертный видит ответ рая, / Только неустанно открывая»²². Поэтому Колумбу в поэме «Открытие Америки» сопутствует Муза дальних странствий, покровительствующая и поэту Гумилеву.

Поэт-географ — это поэт-первооткрыватель и называтель, который, подобно Адаму в раю, дает вещам имена. «Открытие Америки» — это и открытие языка «девственных наименований» (см. стихотворение «Роза»: «Лишь девственные наименованья поэтам разрешаются отсель»)²³, подлинных, древних названий вещей. В то же время поэт уподобляется археологу, заново открывающему древность, — засыпанные песком храмы и затерянные в пустыне древние города.

В сакральной географии Гумилева «благодатная земля» — цель и итог странствий героя-путешественника — может быть уподоблена саду, острову (островам), девственной, неведомой земле, морскому побережью или оазису в пустыне. Поэт опирался на биб-

лейскую традицию изображения Рая в Ветхом и Новом Заветах, в Книге Бытия и в Откровении Иоанна Богослова: «И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке; и поместил там человека, которого создал. И произрастил Господь Бог на земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла. Из Эдема выходила река для орошения рая; и потом разделилась на четыре реки» (Быт. 2, 8, 10). В первом случае Рай — это чудесный сад, Эдем, во втором — Небесный Иерусалим: «И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный, как невеста, украшенная для мужа своего» (Откр. 21, 2); «И ночи не будет там, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их» (Откр. 22, 5); «И вознес меня (Ангел) в духе на великую высокую гору и показал мне великий город, святой Иерусалим, который нисходил с неба от Бога» (Откр. 21, 10).

Гумилевским героям-странникам являются видения рая, райского сада или неведомых, блаженных земель. Так, в стихотворении «Райский сад» читаем: «В золотисто-лиловом мираже / Дивный сад предо мною встает»²⁴. В творчестве Гумилева присутствует тема «странничества духа», понимаемого в контексте христианской культуры. Тема «пира», «великого вечного блаженства вечери», которую Христос сотворит для верных в Царствии Небесном, Божьем Граде, непосредственно связана с представлением о человеке как о страннике и пришельце в этом мире. Странничество как духовное явление имеет свое пространство, свою «географию» (исход из Египта, земного мира, в Иерусалим — Град Божий). Странничество неотделимо от мотива возведения града «внутреннего человека». К числу таких странников относится гумилевский Колумб. Именно поэтому адмирала хранит на его земных путях Муза

Дальних Странствий. В поэме «Открытие Америки» ошибки и грехи Колумба меркнут перед его великим подвигом, основанным на стремлении к «новым, лучшим травам и озерам». Гумилевский Колумб воплощает собой идею вечного движения, понимаемого как совершенствование и развитие, как преодоление с помощью божественного, благого ритма косности земного бытия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Н.С.Гумилев. Полное собрание сочинений в 10 томах, т. 8. М., 2007, с. 200.

² Р.Хаггард. Дочь Монтекумы. М., 2007, с. 6.

³ Там же, с. 7.

⁴ Там же, с. 8.

⁵ Н.С.Гумилев. Полное собрание сочинений в 10 томах, т. 1. М., 1998, с. 81.

⁶ Но в а л с. Генрих фон Офтердинген. Серия «Литературные памятники». СПб., 2003, с. 15.

⁷ Н.С.Гумилев. Полное собрание сочинений в 10 томах, т. 1. М., 1999, с. 188.

⁸ Ю.В.Зобнин. Странник духа (о судьбе и творчестве Н.С.Гумилева). — Н.С.Гумилев: PRO et CONTRA. Личность и творчество Н.С.Гумилева в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб., 1995, с. 14.

⁹ А.А.Ахматова. Собрание сочинений в 2 томах, т. 2. М., 1990, с. 12.

¹⁰ Н.С.Гумилев. Полное собрание сочинений в 10 томах, т. 1. М., 1998, с. 164.

¹¹ Там же, с. 133.

¹² Там же, т. 3, с. 118.

¹³ Там же, т. 2, с. 23.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Д.Н.Анучин. О судьбе Колумба как исторической личности и о спорных и темных пунктах его биографии. — Землеведение, 1894, т. 1. кн. 1, с. 185—256.

¹⁶ Там же, с. 210.

¹⁷ Н.С.Гумилев. Полное собрание сочинений в 10 томах, т. 2. М., 1999, с. 20.

¹⁸ Там же, т. 1, с. 236.

¹⁹ Там же, т. 1, с. 252.

²⁰ Там же, т. 4, с. 42.

²¹ Там же, т. 3, с. 118.

²² Там же, т. 2, с. 25.

²³ Там же, т. 3, с. 138.

²⁴ Там же, т. 2, с. 63.